

Сады
Жарден

ПУЗЫРЕВ СЕРГЕЙ

16+

Сергей Пузырев

Сады Жарден

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Пузырев С.

Сады Жарден / С. Пузырев — «ЛитРес: Самиздат», 2016

ISBN 978-5-532-11492-0

Петроград, февраль 1917 г. Александра Раскова, танцовщица варьете "Сады Жарден", пытается защитить своих близких всеми возможными методами. Но благими намерениями дорога в ад вымощена. Грядет революция, и Саше предстоит решить, что для нее важнее: любить и быть любимой или слепо следовать за чужими идеалами.

ISBN 978-5-532-11492-0

© Пузырев С., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

1. Париж, 1973 г.	5
2. Париж, 1973 г.	7
3. Петроград, 1917 г.	9
4. Петроград, 1917 г.	11
5. Петроград, 1917 г.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Сергей Пузырев

Сады Жарден

1. Париж, 1973 г.

Утреннее солнце, что так бесцеремонно вторглось в небольшую французскую гостиную через открытые двери балкона, выходящего на благоухающий внутренний сад, медленно заполняло собой свободное пространство, бережно укутывая все золотистым светом. Оно плещом оплетало стены, массивные книжные шкафы, заставленные книгами на французском и русском языках, бежевый диван с его маленькими подушками, на которых изображенные красные розы сплелись между собой, настольные лампы в форме сов, которые ютились на небольших белых тумбочках с двух сторон от спинок дивана, и пожилую женщину в очках, мирно покачивающуюся в кресле качалке у окна. У нее красивое, но морщинистое лицо с правильными чертами, седые волосы аккуратно убраны назад, темная кофта вплотную облегает ее худые плечи и руки, которыми она уверенно держит небольшую книжку, а ноги прикрыты клетчатым пледом. Ее темные глаза устремлены куда-то за окно, во внутренний сад, где недавно лиловым цветом зацвела сирень. Женщина открыла держащую в руках книгу и начала читать:

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.

Так пел ее голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луче.

И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у Царских Врат,
Причастный Тайнам, – плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

– Как красиво..., – раздался чужой наполненный молодостью и жизнью голос, когда ее собственный уже давно не такой звонкий, как раньше, но все еще сильный, имеющий непоколебимую волю замолк. – Это, кажется, Блок?

Второй голос принадлежал молодой смуглой девушке с темными волосами. Она стояла в дверном проеме, держа на плече небольшую красную сумку. На ней были черные ботинки на высокой платформе, синие джинсы, розовая футболка и джинсовая куртка.

– Верно, – пожилая женщина мило улыбнулась, закрыла книгу и отложила ее на стоящую рядом белую тумбу. – Ты помнишь.

– А как иначе, ты же приучала меня к русской поэзии с самого детства.

– И я рада, что эти труды не прошли даром. Но, Саша, неужели нам уже пора? – пожилая женщина заметно занервничала.

– Нет, бабушка, успокойся. Я просто решила зайти к тебе пораньше, – она прошла внутрь гостиной, бросила свою сумку на диван и, присев на корточки, обняла бабушку. – Сегодня особенный день. Мне не сиделось дома.

– Какая ты еще дуреха у меня! – бабушка засмеялась и, обняв внуку, поцеловала ее в щеку.

– А можно задать тебе вопрос?

– Какой?

– Этот стих... Что он значит для тебя?

– Ох, – женщина немного смутилась. – Давай я расскажу тебе об этом попозже. Ты только не подумай, в этом совершенно нет никакой тайны, просто... Мне нужно найти нужные слова.

– Ну, хорошо, – девушка встала на ноги и выглянула в окно. – Сирень в этом году цветет особенно сильно. А запах какой.

– Да, но лишь с утра. Днем, в жару, невозможно дышать! Ладно, ты завтракала с утра? Может быть, хочешь чего-нибудь?

– Спасибо. Дома перекусила бутербродом.

– Эти Ваши бутерброды... Я Вас к ним не приучала, но что ты, что твоя мать, словно другой еды не знаете! Как она кстати?

– Хорошо. Вчера открывала свою выставку в Марселе. Сказала, почтой вышлет фотографии, чтобы похвастаться.

– Хорошо, но перед кем она собралась хвастаться. Будто рисунков ее никогда не видела. Целый сундук ими заполнен в кладовке, – женщина замолчала, боясь сказать лишнего.

Она любила свою дочь и поддерживала все ее начинания, однако для той творчество всегда стояло на первом месте, а семья на втором. Возможно, она видела в ней слишком явное отражение себя и именно это ей так не нравилось. Но дочка давно выросла и стала слишком известной, чтобы она могла заниматься ее воспитанием. Другое дело ее внучка Александра, которой она заменила мать. В ней она видела новое и светлое будущее для своей семьи.

– Может, тогда хотя бы кофе выпьешь? – не унималась старушка.

– Хорошо, давай.

– Вот и славно, – поднимаясь со своего кресла, радостно произнесла женщина. – У меня вкуснейшие круассаны из булочной по соседству! Ты должна обязательно их попробовать!

2. Париж, 1973 г.

– Вот ты где! Бабушка, сколько раз тебе повторять: не надо уходить одной! – с легкой обидой заявила Александра бабушке.

Несколько минут назад они, как и планировалось, приехали на православное кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Это была их традиция. Вернее традиция бабушки, но поскольку Саша росла рядом с ней, то очень быстро эта традиция стала общей. Каждый год в один и тот же день они возлагали цветы к памятнику участникам Белого движения. Александра знала, что бабушка пережила революцию в далекой России, ей пришлось эмигрировать, спасая свою жизнь. И этой информации ей раньше было достаточно. Но чем старше она становилась, тем больше вопросов у нее возникало. А бабушка с ответами не спешила.

– Ты слишком часто отвлекаешься, милая, – ответила она ей с улыбкой.

В солнечном свете она выглядела бесподобно. Саша всегда хотела быть похожа на нее, но сходство их начиналось и заканчивалось лишь ростом. Обе были высокие. Но на это все. Эти мысли отвлекли ее, а бабушка не стала мешать. Она пошла дальше мимо мраморных памятников и белоснежных гробниц. Темная непрозрачная шаль обволакивает ее голову и, спадая на плечи, обвивает ее тело. Ее лицо, не смотря на морщины и дряблую кожу, еще не растратило свою прежнюю красоту. Она идет ровно и прямо, словно вот-вот выйдет на сцену и закружится в головокружительном вальсе.

– Так, ты читала эти фамилии! – догоняя, кричит девушка. – Все эти люди творили историю своими руками! Бываю тут каждый год и каждый раз не могу пройти мимо.

– Вот именно так... творили, – грустно заметила она. – Все это осталось в далеком прошлом, зайка. Осталось там вместе с трагедиями, к которым привели их поступки, – женщина аккуратно приседает и кладет небольшой букет цветов к постаменту.

– Он был тоже таким? Его поступки тоже привели к трагедиям? – спустя какое-то время спросила Саша.

– О ком это ты?

– О дедушке, – с каким-то отчаяньем в голосе произнесла девушка. – Ты почти никогда о нем не рассказывала. Ни о нем, ни о своем прошлом. А если и рассказывала, то очень мало. Я никогда не спрашивала, не хотела ворошить старые раны, но... Я уже выросла и скоро заведу свою семью, мне хочется знать о тебе больше, о твоей жизни, знать свои корни. Я хочу знать, что было до того как ты покинула Россию. Ты каждый год моей сознательной жизни водила меня сюда, оставляла цветы и уходила. А еще читала Блока. Читала его и ехала сюда. Может пора рассказать мне хоть что-то.

– Может и пора, но только не здесь и не сейчас. Я тебе уже говорила. А теперь пойдем, а то это солнце сегодня опять пекёт, как безумное. Оно меня когда-нибудь прикончит.

Александра тяжело вздыхает, но ничего сделать не может. Она прекрасно знает бабушку: про ее упрямство можно слагать легенды. Она берет ее под руку, но пройдя немного, старушке становится плохо. Перепугавшаяся внучка, подхватывает ее и ведет в тени.

– Как ты? – заботливо спросила Саша, как только они оказались на лавочке в тени плакучей ивы в окружении клумб с пурпурного цвета цветами. – Я так испугалась! Если это все из-за меня, то забудь, забудь о нашем разговоре! Это я, дура такая, во всем виновата!

– Что ты! – начала она ласково. – Ты тут совсем не причем! Я старуха крепкая, даст Бог, протяну еще не один десяток лет. Я же говорю – солнце это все...

– Бабушка?

– Все хорошо, – успокаивает она внучку. – Просто эти цветы...

– Пурпурные? Да! Это мое любимое место. Я нашла его еще в детстве, когда приходила сюда с тобой. Эти цветы...они восхитительны! – девушка делает паузу, окидывая взглядом

клумбы. – Не знаю почему, но этот цвет... пурпурный. Он цепляет меня, где-то глубоко во мне все трепещет... Да что это я, несу какую-то чушь.

– Нет-нет, продолжай! Знаешь, ведь это и мой любимый цвет.

– Неужели? Так сразу и не скажешь, – пожурила ее внучка. – Я читала, что в древности это был цвет благородных домов, царей и императоров.

– А также цвет печали и раскаяния... – вздохнув, грустно добавила старушка. – Я помню в Петрограде ходили слухи об одной танцовщице. Она не была известна благородной публике, во всяком случае, официально. Пурпур? Да... Пурпурная царица! Так, кажется, ее звали.

– Пурпурная царица?! А это не слишком? – засомневалась Саша.

– Шла война, народ был подавлен. Революционеры сидели в подполье и еще только обдумывали свои планы, иногда совершая жуткие теракты. Это было не самое спокойное время. С другой стороны это было время расцвета модерна! Люди хотели зрелищ и мира. Война им не нужна была. Вот тогда и возшла звезда Пурпурной царицы.

– Бабушка, а ты знала ее? Ты же занималась балетом. Вы ни разу не пересекались?

– Поддай-ка мне мою книгу, – попросила женщина внучку.

Та достала сборник стихов А. Блока из своей сумки и передала его бабушке.

– Знала ли я ее? – продолжила женщина, раскрывая книгу. – Хм, возможно. Во всяком случае, мне хочется так думать. Но столько всего произошло за эти годы... Иногда я думаю, знала ли я ее по-настоящему или она была лишь призраком, мифической Пурпурной царицей, что растворилась в дымке вместе с великой страной? – женщина проглотила комок и протянула внучке руки. Они дрожали, но крепко сжимали немного потрепанную черно-белую фотографию. На ней была изображена молодая пара: мужчина с небольшой бородой в офицерской форме и женщина в экстравагантном наряде, весьма открытом, с подобием короны на голове. – Но от правды бежать бессмысленно. Как и от самой себя. Думаю, начать рассказ нужно с февраля 1917 года...

3. Петроград, 1917 г.

Крупные хлопья снега медленно, слегка пританцовывая, спускались из самых глубин темно-свинцового неба. А падая на землю, лишь сильнее создавали контраст белоснежного земного покрова с темным небесным. Тусклый свет фонарей тоскливо рассеивается под натиском вечерних теней. На улицах не многолюдно. Несколько последних дней уходящей зимы выдались морозными и беспокойными, поэтому многие стараются лишний раз не появляться в вечернее время суток на улице. Тем сильнее выделяются те, кто осмеливается на это.

Две молодые девушки неспешно идут по тротуару. Одна из них высокая, темноволосая в пурпурной накидке. Ее волосы были аккуратно убраны в пучок и спрятаны под элегантной шляпкой. Она шла ровно, прямо с высоко поднятой головой. Она – Раскова Александра Григорьевна, знаменитая Пурпурная царица из варьете «Сады Жарден». Другая – бледная светловолосая девушка, ростом ниже, чем Александра, проще одетая – ее лучшая подруга и компаньонка Елизавета. Александра, взяв Лизу под руку, читает ей стихотворение:

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века –
Все будет так. Исхода нет.

Умрешь – начнешь опять сначала
И повторится все, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

– Как здорово у тебя получается, Саша! – восторгается ею Лиза. – Когда-нибудь, когда я обучусь грамоте, я обязательно научусь делать это так же, как и ты!

– Конечно, научишься! Я сделаю для этого все, что в моих силах, – подбадривает ее подруга. – И сегодня мы сделаем первый шаг на встречу к твоей мечте! Сегодня мы купим тебе букварь!

Девушки, весело смеясь, обнимаются, чем привлекают внимание случайных прохожих. Некоторые проходящие мимо мужчины то и дело оборачиваются, глядя на них, хитро ухмыляясь.

– Не нравятся мне их взгляда. Зря ты меня вытащила сюда! Ох, зря. А если и Игнат Матвеевич прознает... – боязливо шепчет Лиза.

– Да уймись ты, Лизка! Никто не прознает! А если узнает, так я тебя в обиду не дам! – отвечает Александра, целуя подругу в лоб. – Я обещала, что всегда буду заботиться о тебе и защищать. Помнишь, я сказала, что ты для меня словно младшая сестра! А мое слово крепко! Крепче, чем кулаки Игнатки. А эти... пускай смотрят! Только это им и остается рядом со своими женушками, пока другие гибнут на войне. Жалкие трусливые крысы.

– Не надо, Саша, не говори так. Воевать дано не всем, от других проку больше будет здесь, в мирной жизни... Все же, не вернуться ли нам?

– Какая ты все же еще дуреха. Хорошо, только зайдем в книжный и сразу назад.

Книжный магазин Соломонов и Ко. располагался с южной стороны одного из доходных домов Петрограда, которые в предвоенные годы росли словно грибы после дождя. Реклама гласила, что в данном магазине по приемлемым ценам можно найти многие редкие издания самых разнообразных авторов со всего мира. Но в действительности же, если цены и были действительно «приемлемые», то ассортимент совершенно не порадовал своим разнообразием. И все же этот магазин был ближе остальных, а Елизавета очень настаивала вернуться, поэтому выбор для Александры был очевиден.

Внутри магазин оказался слабо освещенным. И чтобы не создавать неудобства, девушки, зайдя в магазин, стали отряхивать себя от снега прямо около дверей. Однако Александра, проходя чуть-чуть вперед, не заметила перед собой молодого мужчину в форме и тростью. Столкнувшись с ним, она задела и трость и стоящие рядом книги, которые тут же с грохотом свалились на пол.

– Черт возьми! Смотрите куда идете... – раздражается девушка, но, заметив трость тут же замолкает. – Я... Простите, я не хотела. Сама виновата! Курица слепая!

– Ничего. Я и, правда, зачитался и не заметил Вас, – мужчина оперевшись о стеллаж поднял свою трость. – Как придет новое издание Блока, отложите мне, будьте любезны, – обратился он продавцу, который тут же появился за прилавком.

– Конечно, конечно, Алексей Владимирович! Непременно отложу!

Алексей Владимирович махнул головой в знак прощания и, прихрамывая, опираясь на трость, вышел на улицу. Только сейчас Саша смогла хорошенько разглядеть его: коротко стриженные русые волосы, короткая борода, ярко-голубые глаза какие-то по-особенному грустные. Во всяком случае, ей так показалось.

– Чего-то желаете? – обратился к девушкам продавец.

– Нет, нет. Мне ничего не надо, – замялась Лиза, как только он перевел взгляд на нее. – Саша! Саша!

– А?! Что простите? – растеряно ответила девушка.

– Книга. Вам нужна какая-то книга? – переспросил продавец.

– Ах, да! Мне нужен Букварь и Блок. Тот же сборник, что и мужчине до меня. И скажите, Вы, кажется, знаете этого мужчину? Кто он такой?

– О! Это герой войны! Как его не знать!? Получил ранение и был отправлен на более мирную службу сюда в Петроград. Сейчас Алексей Владимирович служит в департаменте полиции. Говорят, он занимается особенно важными делами. Но что касается книг: Блок будет позже. Приходите через пару дней. Букварь, кажется, где-то завалялся. Я сейчас его найду.

– Хорошо, я Вам очень признательна.

4. Петроград, 1917 г.

Поскольку Лиза очень боялась встретиться с Игнатом Матвеевичем (владельцем варьете), им пришлось возвращаться через узкий и заставленный всякой всячиной черный ход. Варьете было прибыльным, особенно в последние годы, но хозяин не очень то хотел раскошеливаться на ремонт. А он был необходим. Взять хотя бы узкий коридор, по которому сейчас словно мыши, которых тут было полно, были вынуждены красться девушки. Деревянные половицы давно сгнили, и уже даже не поскрипывали, а просто томно прогибались под тяжестью ступни. Грибок и плесень методично отвоевывали все больше территорий стен, отчего бумажные обои местами висели на честном слове. Но этим ходом пользовались не часто, в то время как основные помещения находились не в сильно лучшем состоянии.

Девушки прошли мимо несколько висящих на стенах афиш, которые заменяли собой обои. Почти на каждой из них была изображена женщина в пурпурных одеяниях и надпись «Пурпурная царица! Только у нас и только сегодня!»

– И все же, какая ты красивая, Саша! На этих афишах ты словно и, правда, царица! – заявила Лиза, остановившись у одной из них.

– Получше настоящей буду, не правда ли? – язвительно ответила Александра, и, присмотревшись, добавила: – Вот только от меня тут разве что длинна ног... Ладно, иди к себе, а я зайду в гримерную и поднимусь наверх.

– Хорошо, если что я буду у себя, – сказала Лиза и скрывалась за темным поворотом, ведущим на лестницу.

Гримерная Александры находилась на первом этаже и занимала помещения бывшей кладовой. Это была большая, тусклая, комната без окон. Из мебели внутри помещался небольшой стол с зеркалом, стул и вешалки с платьями, которые занимали основное пространство комнаты.

Гримерная была ее личной территорией, и никто не осмеливался туда зайти без разрешения. Даже пресловутый Игнат Матвеевич не всегда решался на это, но сегодня, видимо, был исключительный день, потому что, зайдя туда, Саша застала его сидящим за своим столом и нервно подергивающим ногой.

Игнат Матвеевич седой мужчина средних лет, худого телосложения с бородой, и маленькими злобными глазками был малоприятным человеком, знатным трусом и просто отменным негодяем, но так получилось, что он был единственный, кто дал Саше работу и кров над головой. Она же в благодарность старалась презирать его, как можно меньше. Но это, увы, получалось не всегда.

– И где это мы ходим, звезда моя, позволь узнать. Я с ног сбился в поисках тебя! А ты... ходишь, гуляешь?

– Игнат, я не твоя рабыня, – тихо и спокойно ответила девушка, в глубине души зная, что это разозлит его сильнее.

Мужчина лишь злобно кинул на нее взгляд исподлобья. Но Александра и тут не подавала вида и, подойдя к зеркалу, оттолкнула мужчину, отчего тот вскочил на ноги.

– Кажется, мы договорились. Я могу уходить, когда хочу и идти туда куда хочу. Я не бездомная шавка, чтобы сидеть у тебя тут на привязи.

– Ты бы не зазнавалась! Или забыла кто твой благодетель, кому ты обязана всем!

– Помню... К несчастью... Но и ты не забывай кто тут утка, несущая золотые яйца! «Сады Жарден» одно из немногих заведений все еще работающих и приносящих доход. Не так ли?

– Мы занимаемся святым делом! – Игнат раздраженно щелкнул челюстью и театрально откинулся на стуле. – Наш театр дает людям то, чего им так не хватает! Мир и спокойствие. У нас они забывают обо всем. Когда-нибудь нам воздастся за наши заслуги.

– Прекрати! Воздастся за заслуги?! Вот уж точно! – эти слова рассмешили девушку. – Надеюсь, я в этот момент буду далеко отсюда, – добавила она тише.

– Что ты там бормочешь?

– Да говорю... не заливай мне тут, птица ясная. Знаю я твои делишки. Не мне будешь рассказывать про благое дело. А теперь все! Уходи. Мне нужно готовиться к выступлению.

Игнат демонстративно громко вздохнул, встал и направился к выходу, около которого, развернувшись, добавил:

– Лизка вон как выросла. Как думаешь пора ей уже на работу то?

Услышанное привело Александру в ярость. Ни для кого не было секретом, что под личной варьете скрывается самый обычный публичный дом. Многие девушки имели «ночную», как они это называли, подработку. И Саша их за это не осуждала. Однако часто корила себя за то, что не вмешивалась в случаях, когда Игнат силой принуждал к этому девушек. Он умел находить наиболее слабых и подавлял их волю. А она должна была молчать и не вредить предприятию! Это было условием их договора. Но Лиза совсем другое дело. Этот невинный и непорочный ребенок никогда не должен узнать грязи этого мира. И Александра предпримет для этого все возможное.

– Не посмеешь! Лизку не тронь! А иначе я тебя...

– Ну, уж нет, милая, подожди! Про юную Лизавету разговору не было. Она уже два года у нас, как балласт весит. Пора уже ей... пора, – сказал он и вышел, громко хлопнув дверью.

– Тварь!

Александра закрыла глаза и постаралась успокоиться. Глубоко вздохнув, она открыла глаза и перевела взгляд на укутанную в красный бархат коробку в углу.

Концертный зал варьете находился на первом этаж и занимал большую его часть. В задней его части находилась небольшая сцена, справа от которой располагался оркестр, состоящий из пианино, скрипки, балалайки и флейты. Слева от сцены находился бар. Все остальное свободное пространство заполняли собой круглые столики и многочисленные стулья. Стены зала были украшены в основном местными афишами и за редким исключением картинами. В день, когда давалось представление, людей всегда было битком: мужчины во фраках медленно, словно павлины в райском парке, слоняются туда-сюда, держа под руки своих прекрасных спутниц (чье число весьма невелико), полно солдат и офицеров (все они из местных госпиталей – перевязанные бинтами) и нанятой прислуги. И куда без фотографов. Кто кроме них смог бы запечатлеть весь этот блек для будущих поколений?

Главный концертный зал довольно просторный, но воздуха не хватает. Задымлено. Игнат Матвеевич, как хозяин представления встречает гостей при входе. Его приторно-радушное выражение лица, застывшее, словно восковая маска, резко меняется, когда в дверях он замечает трех людей в полицейской форме. Среди них Алексей Владимирович.

– Господа! – обращается к ним Игнат. – Какими судьбами? Что стражам порядка понадобилось в моем скромном и, особенно отмечу, тихом и мирном заведении в столь поздний час?

– Здравствуйте. Ничего особенного. Просто контроль правопорядка, – ответил ему Алексей так же радушно, словно они старые приятели. – Вы не подскажите, где я могу найти хозяина сего заведения?

– Так... а... это я. Я хозяин и... владелец.

– Как славно. Можно Вас на два слова? Не более... поверьте, мне и самому не хочется здесь задерживаться.

Лицо Игната Матвеевича исказилось, и скрыть он это не смог. Было видно: ему не очень понравилось такое пренебрежительное отношение к его заведению.

– Знаете ли... и напрасно, – набравшись смелости заявил он. – Наша программа весьма разнообразна, а наши девушки... все, словно звезды...

– Охотно верю, и все же... я бы хотел узнать... Эм... Не видели ли Вы кого-нибудь подозрительного. Может быть, девушки Ваши приводили кого? Так скажем граждан невнушающих доверия?

– Я даже не знаю... право дело, – растерялся Игнат. Как вы видите народу у нас всегда битком... И надо сказать не все из них благородных кровей. Но нет, не припоминаю.

– Жалко, очень жалко. Но все равно спасибо за помощь. Могу я узнать как Вас...

– Облозин! Облозин Игнат Матвеевич. Некогда звезда Мариинского театра!

– Ну да... Что же, нам пора. Если вдруг кого-нибудь заметите, сразу сообщите в Департамент. Всего доброго.

– Оставайтесь! Обещаю, Вы не пожалеете.

Алексей хотел было уже ответить, но всеобщие возгласы и взоры присутствующих, устремленные ему за спину, отвлекли его. Он обернулся. В парадных дверях стояла знакомая ему девушка. На ней было открытое пурпурное платье с длинным подолом. Темные волосы были распущены и локоны мягко спадали на плечи. Девушка шла прямо к нему и по виду была настроена очень решительно.

– Игнат! Мне нужно с тобой поговорить, – обратилась она к владельцу варьете, будто и, не заметив присутствующих.

– Александра Григорьевна, дорогуша, – нервно ответил ей Игнат, – давайте отложим наш разговор на потом. И что Вы делаете здесь? Не пора ли Вам на сцену?! – он покосился на полицейских, и тут она, наконец, заметила их, заметила его.

– Это Вы!? Я Вас сразу не узнала. Но это точно Вы! – смущенно она обратилась к Алексею. – Прощу, простите мою неловкость! Вы ушли так быстро... И я... Знаете, я могу быть грубой и некоторые меня таковой считают... Я очень переживала... Правда.

– Вы знакомы? – удивился Игнат.

– Не то чтобы... Виделись сегодня, – ответил ему Алексей и обратился к девушке: – Не переживайте, это был обычный нелепый случай... Я не предал ему большого значения.

– Я рада! Я действительно очень и очень этому рада... Кстати... А что Вы тут делаете? Уж не меня же арестовывать пришли?

– Господин полицейский тут по... – хотел ответить Игнат, но его тут же перебил Алексей:

– По поводу контроля правопорядка. Времена сегодня сами знаете какие... В стране неспокойно.

– За «Сады Жарден» можете не волноваться! Публика у нас мирная и вся сплошь благочестивая! – девушка обошла Алексея стороной, задвинув Игната, толкнув его при этом в бок. – Еще солдаты да офицеры... Но не думайте о нас плохо! С них мы денег не берем. Все в благотворительных целях. Так мы помогаем им отвлечься... от ужаса, который они пережили. Ох, который час!?! Мне уже давно пора на сцену! А Вы? Простите, я не так и не узнала Вашего имени?

– Алексей Владимирович Вяземский.

– Очень приятно. Алексей Владимирович, если Вы на сегодня свободны... Может быть, останетесь? Хотя бы на мое выступление. Сегодня оно особенное. Я хочу его подарить Вам.

– Позвольте запечатлеть даму с кавалером? – обратился к ним неожиданно появившийся фотограф – мужчина в черном фраке.

– Конечно, – радушно согласилась Александра. – Вы же не против? – спросила она у Алексея, которого уже успела взять под руку.

– Почему же? – замялся офицер. – Совсем нет, напротив, буду только рад.

– Тогда улыбайтесь, – радостно прочирикал фотограф. – Сейчас вылетит птичка!

Александра широко улыбаясь, замерла рядом с Алексеем, который выглядел все-таки слишком напряженным.

– Отлично, – обратился к ним фотограф, когда закончил. – Позже я обязательно контролирую, чтобы фотография нашла вас. Такой красивой пары еще поискать, мон амур! – фотограф подмигнул Александре и скрылся в толпе.

– Пожалуй, я могу остаться на некоторое время, – задумчиво произнес Алексей.

– В самом деле? – обрадовалась девушка. – Я буду очень этому рада.

– Вот увидите! Вы не пожалеете! Александра Григорьевна – звезда нашего театра! – подхватил эту мысль Игнат и уже был почти готов усадить гостя за лучший столик в зале.

– Игнат Матвеевич, преувеличивает! Во мне таланта не больше, чем в туйле, – слукавила Саша. – Прошу Вас, Алексей Владимирович, занимайте место.

– Одну минуту, я лишь сообщу товарищам, что задержусь тут ненадолго.

Он отошел к сопровождавшим его офицерам. Игнат Матвеевич в этот момент схватил Александру за руку и оттащил в сторону.

– Что ты, позволь узнать, творишь? Ты бы ему на шею еще прыгнула! – зашипел мужчина.

– Захочу и прыгну! Или ты ревнуешь? Ха! Скажи спасибо, что я прикрыла твой задок!

– Какой задок?! Что ты несешь?! Все было схвачено, он уже собирался уходить...

– Схвачено говоришь? Тогда прости. Я думала ты бледный от страха весь стоял. Все! Мне пора на сцену! – Девушка выдернулась из цепкого ухвата Игната. – И вот еще что... Не смей трогать Лизу и привлекать ее к своим делишкам. Иначе наш новый друг очень скоро узнает о твоём небольшом нелегальном дельце.

Александра вышла на сцену. В тот вечер она не единожды срывала овации. Весь зал ей рукоплескал стоя. Пурпурная царица явилась им во всей красе. Но, не смотря на большое количество мужчин, ее глаза искали нового знакомого в белой офицерской форме. Привычное выступление, при котором она вертела всеми частями тела, она решила заменить на более скромное, но более любимое. Сегодня она решила исполнить романсы.

После своего выступления Саша быстро скрывается за кулисами и поднимается на второй этаж, где находились комнаты артисток «Садов Жарден». Ее угловая комната небольшая, с одним окном. Кровать, стол со стулом и небольшой шкаф – это все, что было в ней. Александра не любила излишеств, да и так было легче: чем меньше вещей – тем легче с ними будет расстаться.

Александра вбежала в комнату, закрывала дверь и сползла по ней на пол. Она была подавлена. В ней боролось множество чувств, и в этой войне она боялась потерять себя. Неожиданно в дверь тихо постучали.

– Кто там? – настороженно спросила Александра.

– Это я, Лиза. Саша, можно с тебе? – прошептала девушка.

– Конечно. Заходи. Что-то случилось? – она открыла дверь, но совсем не ожидала, что Лиза бросится на нее с объятиями. Саша не удержалась, и они обе рухнули на пол.

– Нет. Ничего... Просто ты ушла так быстро. Я волновалась. И подумала, что тебе сейчас не помешают дружеские объятия.

– Не волнуйся, – сказала она поднимаясь. – Мне просто стало дурно. Я устала, вот и решила немного отдохнуть. Что это у тебя? – спросила она, увидев книгу.

– Ах, это... – Лиза смутилась. – Я нашла ее внизу. Маша сказала, что это сказка про принцессу... И я хотела попросить тебя прочитать мне ее.

– Лиза... Пошли, – Александра взяла ее за руку, – сядем на кровать. Я с удовольствием тебе прочитаю. Давай ее сюда. Так, что тут у нас? Золушка? Что ж выбор совсем неплох... Ты никогда раньше не слышала ее?

– Нет! А где мне было ее слышать? В моей деревне я только и делала, что работала с утра до ночи. Грамоте я не обучена, поэтому прочитать сама не могу. Пустое место. Не то, что ты! Ты и умная и красивая и храбрая очень. Я люблю тебя и уважаю! Вот только твои глаза...

– Мои глаза? А что с ними не так?

– Они грустные очень. Как у брошенного котенка, что я прикармливаю втайне от Игната Матвеевича. Порой взглянешь на тебя, и так обнять хочется крепко-крепко и не отпускать никогда.

– Какая ты все же дуреха. Честное слово... Ладно слушай сказку...

Той ночью Лиза осталась ночевать у Александры. Она уснула очень быстро, и Саша не была уверена, дослушала ли она хотя бы до конца. Ее сон был так сладок, а вот Александре не спалось. Чувство сомнения и тревоги тяжким грузом лежали на ее душе. Ей было невыносимо душно. В конце концов, ей надоело лежать, и она в одной сорочке подошла к окну, которое тут же распахнуло, что, видимо, разбудило Лизавету.

– Саша? Уже утро?

– Нет, Лиза. Ты можешь еще поспать.

– Это хорошо. Мне снился прекрасный сон, где я, словно принцесса, танцую на балу.

– Спи. Может, ты еще и принца там успеешь встретить.

– Может быть, – сонно ответила девушка, заметив, что подруга стоит у распахнутого окна. – Ой, а ты чего на холоде стоишь? Замерзнешь ведь и заболешь!

– Не беспокойся. Ты же знаешь, холод мне теперь не страшен. Спи. Мне надо подумать.

Лиза...

– Чего?

– Давай сходим завтра на горку. Покатаемся.

– Обязательно, Саша, как только я приеду с бала...

Елизавета засыпает. Александра, закрывает окно, подходит к кровати, поправляет одеяло и ложится рядом с ней.

5. Петроград, 1917 г.

Александр так толком и не удалось поспать. Всю ночь ее мучили кошмары, а под утро ужасно разболелась голова. У нее была тяжелая ночь, а впереди ее ждал не менее тяжелый день.

На улице еще было темно, когда Саша полная решимости сделать все правильно решилась прервать ночную агонию и встала с кровати. Лиза спала крепко и на этот раз не проснулась. Девушка по-тихому схватила свои вещи и, стараясь не скрипеть половицами, выбежала в коридор.

На утро после представлений варьете всегда находилось в каком-то особенно удручающем забвении. Словно все его жители, что еще буквально вчера вечером и ночью весело галдели, пели, танцевали и напивались, стараясь погрузиться в омут забытья, вдруг резко исчезли, растворились в воздухе вместе с табачным дымом. В коридорах Садов было темно, тихо, холодно и сыро. И даже привычный скрип половиц как будто бы пропал.

Саша спустилась в свою примерную, переделалась, надела темном пальто, накинула на плечи пурпурную шаль, схватила накрытую красным бархатом корзинку и направилась к выходу, надеясь по пути никого не встретить. Она быстрым шагом подбегает к входной двери, оборачивается, дергает ручку и неожиданно сталкивается с полноватой девушкой с длинными распущенными темными волосами. На ней серая шинель не по размеру из-под которой проглядывает подол красной юбки.

– Сашка! Опять куда-то с утра пораньше убегаешь! Игнат то не знает небось... – удивленно воскликнула она своим громким голосом.

– И тебе доброго утра! Маша. Сама-то откуда так поздно? Мне казалось у Игната на ваш счет ясные правила: приходите строго до восхода...

– Ладно, поняла я тебя... Дела у меня были, – со смехом ответила она, поправляя грудь. – Любовные дела, о которых ему лучше не знать.

– У нас у всех свои тайны, – мягко произнесла Александра, помогая девушке, – поэтому мы здесь и находимся. Поднимайся наверх. Игнат вчера наклюкался так, что за пару дней не отойдет.

Мария понимающе махнула головой и удалилась. Александра, простояв несколько секунд, провожая ее взглядом, вышла на улицу.

Утро было морозным. Александра стояла перед дверьми Исаакиевского собора и не решалась войти. Ее шаль сдувало холодным северным ветром, руки покраснели от мороза, губы дрожат, но ее это, казалось, совершенно не беспокоило. Она была погружена в свои мысли и не заметила, как сзади к ней подошел Алексей. Его прикосновение вернуло ее в эту реальность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.